

А. ДОВАТУР, Повествовательный и научный стиль Геродота, Л., изд.-во ЛГУ, 1957, 200 стр.

Труд Геродота для нас не только источник важнейших исторических сведений о древних греках и многих других соприкасавшихся с ними народах и племенах, но и первое, дошедшее до нас в нефрагментированном виде, произведение греческого историка. По Геродоту можно судить о том, что представляла собою историческая наука древних греков в пору ее зарождения и формирования. Не могут быть недооценены и содержащиеся в труде Геродота сведения этнографического и географического характера. Наконец, Геродот занимает совершенно определенное место в истории греческой литературы как один из первых дошедших до нас представителей нового прозаического жанра. Отсюда вполне понятен неослабевающий интерес к Геродоту. Им занимаются и историки, и филологи, и лингвисты, и этнографы, и географы, и археологи. В ходе изучения Геродота со всех этих точек зрения открываются все новые и новые стороны его творчества. Для современной исторической науки исследования о Геродоте, какой бы стороне его творчества они ни были посвящены, важны еще и потому, что в большей или меньшей мере все они дают критерий для решения вопросов исторической достоверности его труда, надежности сообщаемых им данных. Автор рецензируемой книги поставил в плоскости научного исследования вопрос о научном стиле Геродота. Среди разнообразных приемов работы и изложения Геродота безусловно заслуживают быть выделенными те из них, которые могут быть названы его научными приемами, характеризующими Геродота-ученого в противоположность Геродоту-рассказчику. А priori ясно, что эти приемы в значительной степени зависели от характера и особенностей первоисточников Геродота. Таким образом, вопрос о научном стиле Геродота это в значительной мере и вопрос о первоисточниках Геродота, о влиянии на него современной ему исторической обстановки, в частности, о влиянии на него различных явлений интеллектуальной жизни греческого общества. Именно так подошел к своей теме А. И. Доватур.

Первая глава его интересной, насыщенной конкретным материалом книги целиком посвящена сопоставлениям характерных с точки зрения научного стиля мест из труда Геродота с эпиграфическими текстами. Предпосылкой для такого рода сопоставлений автору книги послужила совершенно бесспорная после дешифровки микенской письменности — письма В — мысль о том, что хронологически возникновение документальной прозы, отвечавшей практическим нуждам греческого общества, предшествовало появлению литературной прозы. В этом отношении эпиграфика значительно опередила литературу. Руководствуясь этими соображениями, автор книги сопоставляет труд Геродота с целым рядом надписей, как предшествующих времени его жизни, так и ему современных. Сопоставление это, с нашей точки зрения, с полной убедительностью доказало, что у Геродота имеются в большом количестве стилистические совпадения с такими надписями, как поименные списки различного назначения, инвентарные описи, пограничные протоколы (фиксирующие демаркационные линии между государствами), почетные декреты обычных типов, узаконения о погребениях и т. д. В результате этих сопоставлений автор приходит к вполне обоснованному заключению, что «... отличительные особенности стиля ионийской исторической прозы выработались первоначально в прозе документальной» (стр. 45). На документальной прозе, таким образом, воспитывались те деятели, которые потом сыграли решающую роль в создании греческой историографии. Исключительно большое значение этого представляющегося нам вполне доказанным выводом для целей конкретных исторических исследований вряд ли нуждается в пояснениях. В то же время отмечаемые А. И. Доватуром стилистические признаки в целом ряде случаев убедительно раскрывают близость Геродота к документальным источникам. Тем самым открываются новые перспективы в решении сложнейшего вопроса о первоисточниках Геродота.

Менее убедительными представляются сопоставления исторических рассказов Геродота со сжатymi сообщениями об исторических событиях, содержащимися в некоторых надписях. Слишком малочисленны и незначительны по объему такие сообще-

ния в эпиграфических памятниках, чтобы их можно было поставить в один ряд с убедительными параллелями тех типов, о которых речь шла выше.

Вторая глава книги А. И. Доватура посвящена не менее важным и органически связанным с проблемой научного стиля Геродота вопросам о его социальной и политической терминологии. В этой главе внимательно и всесторонне исследуются наиболее значительные термины социально-политического словаря греков времени Геродота. Само собой разумеется, что этот вопрос мог бы стать предметом специального монографического исследования. Но автор рецензируемой книги себя ограничивает: в поле его зрения лишь такие термины, какие имеют непосредственное отношение к словоупотреблению Геродота. Результаты исследования этих терминов оказываются отнюдь не менее интересными. Разбирая использование Геродотом таких терминов, как тиран, монарх, царь, а также терминов, обозначающих различные категории свободного и несвободного труда, А. И. Доватур приходит к следующим заключениям. Во-первых, Геродот в своем словоупотреблении довольно последовательно повторяет терминологию, установившуюся в документальной прозе демократической Греции. Во-вторых, немногочисленные отклонения от такого словоупотребления каждый раз находят себе объяснение в специфике источников Геродота. Так, если в нескольких случаях Геродот именует носителей тиранической власти царями, то это объясняется либо сказочной окраской всего контекста, в котором встречается этот термин, либо специфическим характером тирании в отдельных греческих государствах — в Сицилии, Южной Италии. Конечный вывод А. И. Доватура тот же, что и в первой главе: Геродот как представитель ранней историографической прозы и в данном случае тесно связан с традициями документальной прозы. Хотя вывод этот представляется в достаточной мере аргументированным, не следует упускать из виду, что в данном случае самим ходом своего исследования автор книги оказался поставленным лицом к лицу с таким теоретическим вопросом кардинального значения, как вопрос о взаимовлияниях живой речи, документа и литературы. Если иметь в виду историческую действительность во всем ее многообразии, иной раз очень трудно установить, что на что повлияло. А. И. Доватур считает, что документальная проза времени рабовладельческого строя опиралась на обиходную речь определенных социальных слоев (стр. 64). Это, конечно, верно, но с такими же основаниями можно предположить, что та же обиходная речь непосредственно повлияла и на Геродота, что посредничество документа в данном случае имело лишь второстепенное значение. Теоретически возможен и такой путь в решении этого вопроса. Однако по какому пути мы бы ни пошли, в самой постановке этого вопроса нельзя не признать большой научной заслуги автора рецензируемой работы.

Три следующие главы книги А. И. Доватура посвящены уже достаточно разработанному вопросу о связи Геродота с фольклором. Наряду с многочисленными статьями, эта тема разрабатывалась в таких солидных исследованиях, как монографии Клингера и Али. Но А. И. Доватур и здесь вносит много нового и интересного. Так, он прослеживает те модификации, которым подвергается фольклорный рассказ в устной передаче (стр. 69—71). В этой связи особенно интересны изменения устных рассказов, бытовавших в Афинах. К сожалению, однако, один из наиболее любопытных рассказов такого рода — рассказ о тираноубийцах Гармодии и Аристогитоне (стр. 71) — затронут автором книги слишком бегло. Из напечатанного в 1952 г. автореферата диссертации А. И. Доватура видно, что предание о тираноубийцах было им подробно исследовано в специальном большом экскурсе. Так почему же этот очень важный и нужный экскурс не был включен в книгу?

Очень интересна аргументация, при помощи которой автор книги убедительно доказывает городское происхождение новелл, включенных Геродотом в его труд. Можно считать вполне доказанной и мысль А. И. Доватура о том, что вся история Лидии в изложении Геродота носит явные следы столичного сардского происхождения, в противоположность рассказам Ксанфа, отражавшего общелидийскую традицию. В итоге автор книги приходит к заключению, что Геродот не подвергал существенной переработке разнородные и иной раз противоречивые рассказы, собранные им во время его путешествий. Это наблюдение имеет под собой вполне конкретную почву

(гл. IV). Можно сказать с полной уверенностью, что мимо этого наблюдения теперь не сможет пройти ни один исследователь, занимающийся Геродотом.

Последний и, пожалуй, наиболее важный вопрос, решаемый в рецензируемой книге, это вопрос о связи между литературным и научным стилем Геродота. Ведь речь здесь идет о законченном и в этом смысле едином произведении великого греческого писателя, завершившего своим трудом деятельность своих предшественников — логографов и открывшего новые перспективы для дальнейшего развития античной историографии. В живом и ярком повествовании Геродота различные приемы его работы органически слиты. При таких условиях не так-то легко расчленить это единство и установить связь между различными образующими его элементами. Но автор рецензируемой книги успешно и убедительно решает и этот важнейший вопрос своего исследования. В труде Геродота, по его мнению, мы последний раз в греческой исторической прозе встречаем новеллу, сохраняющую все особенности фольклорного стиля. Наряду с этим, мы находим у Геродота новеллы ужеинного типа, представляющие собой продукт разложения традиционной новеллы под влиянием научных запросов его времени и документальной прозы.

Прочитав книгу А. И. Доватура, ознакомившись с его приемами тонкого, вдумчивого и почти всегда убедительного анализа текстов, трудно не согласиться с этим главным его выводом. Выход в свет этой книги, безусловно, значительное событие в нашей научной жизни. Ее с одинаковым интересом и пользой для себя будут читать и историки и филологи.

Д. Каллистов

Книга А. И. Доватура — крупное событие в советской литературе об античности. Литература о Геродоте огромна, но труд «отца истории» ставит перед современными филологами и историками столь много и столь сложные вопросы, что большинство их остаются по меньшей мере спорными.

Как впервые было создано литературное произведение, положившее начало исторической науке, впервые оформившее ее логический и литературный стиль? Об этом кардинальном вопросе написано весьма много; сделано немало ценных наблюдений; А. И. Доватур, критически используя обширную литературу, сумел найти совершенно новые и весьма плодотворные подходы к решению этого вопроса. Исследователь в главе I «Генезис научного стиля греческой историографии» впервые выдвинул глубоко правильное утверждение, что греческая прозаическая письменность впервые появилась как письменность документальная, а не как позднейшая (конец VI в. до н. э.) литературная ионийская проза.

Исследование А. И. Доватура показывает, что труд Геродота действительно должен рассматриваться как первый в истории научной мысли исторический труд, качественно отличный от произведений логографов. Методологически совершенно правильно А. И. Доватур ставит вопрос о той социальной среде, в которой возник исторический интерес, оформившийся в историческую науку; это — городская среда, создавшая античную рабовладельческую демократию. Тем самым исследователь дает весьма важную характеристику культурной роли этой демократии, ее идеологии. Этому вопросу, в сущности, посвящена и глава II исследования «Социальная и политическая терминология Геродота».

Автор справедливо подчеркивает, что проблема социально-политической терминологии древнегреческих авторов едва только начинает изучаться. Для Геродота такие терминологические исследования несколько облегчаются благодаря наличию работы J. Powell «A Lexikon to Herodotus» (Cambr., 1938).

Автором убедительно показано, что слово «тиран» не было официальным титулом носителей соответствующей власти и что в законодательстве рабовладельческих демократий, начиная с V в. до н. э., оно стало термином с одиозным оттенком. Автор отметил, с другой стороны, что в ряде случаев тираническая власть в лите-